

A vertical image showing a city street with tall buildings on either side. The air is filled with a massive, dense swarm of mosquitoes of various sizes, flying in all directions. The scene is set against a cloudy sky, and the buildings are modern, multi-story structures. The overall atmosphere is one of a catastrophic insect infestation.

Александр Восьмой

**Комары С.П.И.Д.а
(Даффи Толстяк)**

18+

Александр Восьмой Комары С.П.И.Д.а (Даффи Толстяк)

<https://litres.ru/74093491>

SelfPub; 2026

Аннотация

Комары достигают критической массы и начинают действовать как рой хищник: они не просто кусают, а «выбирают» жертв по уровню стресса и адреналина. В этой главе город превращается в лабиринт страха: лифты замирают, светофоры гаснут, а гул крыльев становится громче сирен. Воронов и его команда пытаются эвакуировать жилой квартал, но сталкиваются с тем, что обычные средства защиты не работают: репелленты лишь раздражают рой, а дым рассеивается слишком медленно. Здесь впервые показывают «тактику роя» — комары атакуют волнами, заставляя людей терять ориентацию.

Александр Восьмой Комары С.П.И.Д.а (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Тихий укус»

Город жил своей привычной жизнью — будто ничего не могло её сломать. По проспектам ползли пробки, в офисах догорали последние лампы, а на скамейках у скверов сидели люди, ловя редкие минуты вечерней прохлады. Воздух был густ от жары и запаха разогретого асфальта, и в этой душной тишине особенно отчётливо слышался тонкий, почти незаметный звон. Его никто не замечал — привыкли. Комары здесь были такой же обыденностью, как пыль на подоконниках или реклама на билбордах.

А на окраине, в приземистом здании с глухими окнами и решётками, которые выглядели скорее как архитектурная деталь, чем как защита, в лаборатории биоцентра «Вектор-7» что-то пошло не так. Сигнал тревоги моргнул на панели и тут же погас, будто система решила, что это ошибка. Но это не была ошибка.

В криокамере номер три температура начала расти. Сначала на полградуса, потом на градус, потом ещё. Датчик пискнул, но его писк потонул в общем шуме вентиляции. В соседней комнате техник по имени Кирилл как раз допивал

остывший кофе и думал о том, что завтра надо бы наконец поменять лампочку в коридоре. Он не видел, как на мониторе строка статуса сменилась с «стабильно» на «критическое отклонение». И уж точно не видел, как в хранилище образцов щёлкнули замки, и контейнер с маркировкой «V-X14» бесшумно выдвинулся из ниши.

Когда он всё-таки поднял глаза, было уже поздно.

Тем временем в центре города подросток по имени Артём сидел на бордюре у подъезда, потирая запястье. Укус был совсем маленький, почти незаметный — просто точка, вокруг которой кожа слегка покраснела. Он почесал её, зевнул, подумал, что надо бы зайти домой, но не хотелось. Хотелось ещё немного посидеть, послушать, как город дышит. Потом он потёр лоб — вдруг стало жарко. Потом рука соскользнула, и он опёрся на асфальт, чтобы не упасть. Но асфальт оказался дальше, чем казалось.

Он упал тихо. Ни крика, ни грохота — просто тело, которое вдруг перестало слушаться. Проходившая мимо женщина остановилась, наклонилась, тронула его за плечо.

— Эй, ты чего?

Артём не ответил. Его глаза были открыты, но в них уже не было ничего, что можно было бы назвать жизнью. Только пустота и странная, неестественная неподвижность.

Женщина закричала. Сначала тихо, потом громче. Её

крик подхватили другие голоса. Улица, которая минуту назад была просто улицей, вдруг стала местом, где случилось что-то непоправимое.

На другой стороне города, у автобусной остановки, дворник Михаил как раз заканчивал подметать. Он устал, хотел домой, мечтал о чашке чая и тишине. И тут он почувствовал лёгкий укол за ухом — будто кто-то щёлкнул резинкой. Он машинально потёр место укуса, пожал плечами и продолжил работу. Но через несколько секунд метла выпала из рук. Он попытался её поднять, но пальцы не слушались. Он хотел позвать на помощь, но голос застрял в горле.

И тогда он замер. Прямо посреди остановки, среди пустых скамеек и рекламных плакатов, он застыл, как статуя. Только грудь ещё вздымалась — сначала часто, потом всё реже, пока не остановилась совсем.

В диспетчерской скорой помощи звонки начали поступать один за другим. Сначала их было два, потом пять, потом десять. Операторы переглядывались, не понимая, что происходит. «Потеря сознания после укуса комара», «резкое падение давления», «не реагирует на внешние раздражители». Слова звучали абсурдно, но их было слишком много, чтобы списать на совпадение.

На экране монитора карта города покрывалась красными точками. Они появлялись хаотично, но с пугающей регулярностью. И с каждой минутой их становилось всё больше.

А в лаборатории на окраине Кирилл наконец заметил тревожные сигналы. Он бросился к хранилищу, но дверь оказалась заблокирована. На панели мигала надпись: «Доступ запрещён. Аварийный протокол активирован». Он ударил по кнопке кулаком, потом ещё раз, но система не отвечала.

И тут он услышал звук. Тихий, едва уловимый, но от которого по спине пробежал ледяной холод. Это был не гул вентиляции и не шум улицы. Это был звук, который он слышал летом в деревне, когда ночью открывал окно и слушал, как над кроватью кружит одинокий комар. Только теперь этот звук был не одиноким. Он был множественным. Он был повсюду.

Кирилл медленно поднял голову. И увидел, как из вентиляционных решёток в потолке начинают вылетать тени. Они были крупнее обычных комаров — намного крупнее. Их крылья издавали низкий, вибрирующий гул, от которого дрожали стёкла.

Он сделал шаг назад. Потом ещё один. Но было уже поздно. Тени летели прямо на него.

Глава 2. «Красная тревога»

Майор Воронов вошёл в лабораторию не как гость — как человек, привыкший, что время стораёт быстрее, чем успеваешь его заметить. За спиной щёлкнула герметичная дверь, отрезая уличный гул, но не тревогу: она проникала сквозь стены, висела в воздухе, смешиваясь с запахом озона и чего-то металлического, будто здесь недавно что-то горело.

В помещении царил аккуратный, но зловещий беспорядок: столы стояли ровно, мониторы мерцали, кабели лежали по кабель-каналам — но на полу темнели царапины, словно кто-то волок тяжёлый ящик. А на стене, прямо над пультом управления, виднелся отпечаток ладони, будто кто-то пытался удержаться и не смог.

— Где старший смены? — рявкнул Воронов, не тратя время на приветствия.

Ответил ему не голос, а движение в углу. Из-за стойки медленно поднялся человек в лабораторном халате, испачканном чем-то тёмным. Его руки дрожали, глаза были расширены так, что зрачки почти поглотили радужку.

— Кирилл... техник, — прохрипел он, будто каждое слово давалось с усилием. — Я... я не знаю, где остальные. Они просто... исчезли.

Воронов шагнул ближе, не сводя с него взгляда.

— Что здесь произошло?

Кирилл сглотнул, посмотрел на контейнеры вдоль стены

— пустые, с распахнутыми крышками, словно их вскрывали чем-то острым.

— Мы... мы не должны были это трогать. Проект V-X14... вирус, который должен был... контролировать популяции насекомых. Но он пошёл не по плану. Он... мутировал. И комары... они изменились.

Он замолчал, тяжело дыша, и вдруг прошептал, будто боялся, что стены подслушают:

— Они не просто переносят СПИД. Вирус внутри них... он адаптируется. Ускоряет разрушение иммунной системы в разы. То, что раньше развивалось годами, теперь происходит за часы. За минуты.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как свинец. Воронов почувствовал, как внутри что-то сжимается — не страх, а холодная, злая ясность. Он знал, что сейчас начнётся гонка, в которой проигрыш означает не просто поражение, а конец города.

— Сколько образцов пропало?

— Все. Все контейнеры... пустые.

Воронов резко обернулся к своему заместителю, капитану Соколову:

— Поднять все патрули. Оцепить периметр. Никаких гражданских внутрь.

Соколов кивнул и прижал к уху гарнитуру, начав отдавать приказы. В его голосе звучала привычная чёткость, но в глазах мелькнуло то, что Воронов знал слишком хорошо: пони-

мание, что ситуация выходит за рамки инструкций.

Тем временем на окраине города тишина лопнула, как натянутая струна.

Сначала это был просто гул — низкий, вибрирующий, похожий на звук далёкого реактивного двигателя. Люди поднимали головы, прислушивались, пожимали плечами: «Наверное, стройка... или вертолёт...» Но гул не удалялся. Он нарастал. И становился ближе.

А потом появилось облако.

Оно двигалось не как рой, а как единый организм — плотное, тёмное, пульсирующее, будто живое. Оно скользило над крышами, обтекало углы зданий, словно изучая город, прежде чем поглотить его.

Первыми закричали дети. Потом женщины. Потом мужчины, которые до этого момента считали, что знают, как вести себя в любой ситуации. Толпа дрогнула, рассыпалась, побежала. Люди толкались, падали, поднимались и снова бежали, не разбирая дороги. Кто-то кричал: «Это пчёлы!», кто-то: «Осы!», но никто не мог подобрать слова для того, что видел.

Потому что это были не пчёлы. Не осы. Это были комары. Огромные, с крыльями, отливающими синевой в свете фонарей, с вытянутыми хоботками, похожими на тонкие иглы. Они не просто летели — они атаковали. Целенаправленно.

Точно.

Один из них вонзился в шею бегущего мужчины. Тот вскрикнул, схватился за место укуса, сделал ещё два шага — и рухнул, как подкошенный. Рядом женщина пыталась отмахнуться, но их было слишком много. Они кружились вокруг неё, как вихрь, и через несколько секунд она тоже упала.

Гул стал невыносимым. Он проникал в кости, заставлял зубы вибрировать, мешал думать. Люди бежали в подъезды, в магазины, в подвалы — куда угодно, лишь бы спрятаться. Но щели были повсюду. И комары находили их.

В штабе, отделённом от хаоса несколькими стенами и десятками километров оптоволокну, голос диспетчера звучал сухо и ровно, будто читал прогноз погоды:

— Сектор 12: массовая паника. Сектор 14: подтверждённые случаи потери сознания после укусов. Сектор 8: заблокированы выходы из торгового центра. Просим подкрепления.

На большом экране карта города покрывалась красными точками. Они множились с пугающей скоростью, сливались в пятна, растекались, как кровь по воде.

Воронов смотрел на эту карту и чувствовал, как реальность ускользает. Ещё час назад это был обычный день. Теперь это была война — против врага, которого никто не воспринимал всерьёз. Против врага, который был везде.

— Нам нужна стратегия, — пробормотал он, скорее себе, чем кому-то ещё.

Кирилл, всё ещё дрожащий, поднял на него глаза:

— Единственный способ... единственный шанс... это найти источник. То место, где началось изменение. Если мы уничтожим его... может быть, рой потеряет... координацию.

Воронов прищурился:

— Ты говоришь, будто они мыслят.

— Я не знаю, мыслят ли они, — шёпотом ответил Кирилл.

— Но они действуют как одно целое. И это... пугает больше всего.

За окном лаборатории небо темнело, но не от заката. Оно темнело от роя. Он приближался. И Воронов знал: скоро граница между «там» и «здесь» исчезнет. Скоро лаборатория перестанет быть убежищем и станет очередной точкой на карте, где люди будут падать, не успев понять, что произошло.

Но пока он стоял. Пока он думал. Пока он искал способ превратить хаос в план.

Красная тревога звенела в ушах, смешиваясь с гулом крыльев. И этот звук становился всё громче.

Глава 3. «Город под гулом»

Гул пришёл раньше, чем тьма. Он не был похож на шум

города — на привычный рокот моторов, на треск рекламы, на голоса тысяч людей. Это был низкий, вибрирующий звук, который проникал под кожу, заставлял зубы мелко дрожать, а нервы натягиваться до предела. Он нарастал волнами, то стихая, будто рой отступал, то накатывая снова — и тогда казалось, что воздух становится гуще, тяжелее, почти непроходимым.

Город, ещё недавно казавшийся надёжным, начал рассыпаться по швам. Лифты замирали между этажами, оставляя людей в тесных коробках без связи и надежды. Светофоры гасли один за другим, погружая перекрёстки в хаос: машины сталкивались, водители выскакивали наружу, кричали, махали руками — и становились идеальными мишенями. Их адреналин, их паника, их ярость были для роя как маяки. Комары не метались наугад: они находили тех, кто боялся сильнее всех, кто кричал громче, кто бежал быстрее.

Воронов стоял на углу улицы, прижимая к уху гарнитуру, и пытался удержать в голове хоть крупицу порядка.

— Сектор «Северный-3», докладывайте, — рявкнул он, перекрывая гул.

В ответ — треск, обрывки фраз, чей-то крик, потом тишина. Воронов стиснул зубы. Связь падала быстрее, чем они успевали её восстанавливать.

Рядом капитан Соколов махнул рукой в сторону жилого квартала:

— Мы не успеем вывести всех через подъезды. Рой уже

перекрыл дворы. Они... они как будто знают, куда мы пойдём.

Воронов посмотрел туда, куда указывал Соколов. И впервые за долгое время ему стало не по себе.

Над двором висело плотное, тёмное облако. Оно не стояло на месте — оно пульсировало, словно дышало. Оно перемещалось короткими рывками, обтекая здания, заползая в арки, просачиваясь в щели. И в этом движении была не случайность, а расчёт.

В одном из подъездов, на пятом этаже, молодая женщина по имени Лена прижимала к себе сына, стараясь не дышать слишком громко. Мальчик дрожал, его глаза были огромными, а пальцы впивались в её свитер.

— Мам, они слышат, да? — прошептал он. — Они слышат, когда мы боимся.

Лена хотела сказать, что это глупости, что всё будет хорошо. Но слова застряли в горле. Потому что она и сама чувствовала это: гул становился громче, когда она начинала паниковать. Стоило ей подумать о том, что делать, как звук будто приближался.

Она посмотрела на дверь. На щели вокруг неё. На вентиляционную решётку в углу, из которой доносился странный, едва уловимый шелест.

И вдруг решётка дрогнула. Потом ещё раз. А потом из неё

выполз первый комар.

Он был крупнее обычного раза в три. Его крылья отливали сине-чёрным, как нефтяная плёнка на воде. Хоботок был вытянут вперёд, будто он уже целился.

Лена схватила сына и попятилась к окну. Но окно было закрыто, а ключ от пожарной лестницы она оставила внизу.

А потом из вентиляции полезли ещё. И ещё. Они не спешили. Они знали, что жертва никуда не денется.

Тем временем Воронов и его группа пытались прорваться к кварталу через боковой проезд. В руках у бойцов были распылители с мощным репеллентом — последняя надежда на то, что удастся хотя бы ненадолго отогнать рой.

— На счёт три, — скомандовал Воронов. — Один... два...

На «три» они одновременно нажали на курки. Струи химикатов ударили в воздух, образуя плотную завесу. На секунду показалось, что сработало: рой дрогнул, отступил, будто наткнулся на невидимую стену.

Но потом случилось то, чего никто не ожидал.

Рой не просто не отступил — он взбесился. Гул резко усилился, перешёл в пронзительный визг, от которого закладывало уши. Облако сжалось, а затем рванулось вперёд, разделяясь на десятки потоков, которые ударили по бойцам со всех сторон.

Репеллент не отпугивал их. Он злил.

Комары врезались в людей, как пули. Они били в лицо, в шею, в открытые участки кожи, вонзались с такой силой, что даже через ткань формы чувствовался резкий укол. Бойцы отмахивались, падали, пытались ползти, но рой накрывал их, как волна.

Воронов почувствовал, как что-то ударило в плечо. Он резко обернулся, ударил по воздуху — и на рукаве осталась размазанная тёмная капля. Он не успел понять, что это, как в виске вспыхнула острая боль.

Он провёл рукой по коже и увидел на пальцах кровь. И крошечный, почти незаметный прокол.

«Укус», — пронеслось в голове. И следом — холодное осознание: если вирус действует так, как говорил Кирилл, то у него считанные часы. Может быть, минуты.

Но он не мог позволить себе думать об этом. Не сейчас.
— Отходим! — закричал он, перекрывая гул. — К машине! Сейчас же!

Бойцы рванулись вперёд, прикрывая друг друга, стреляя в воздух из шокеров, пытаясь хоть как-то разорвать эту живую стену. Но рой не боялся электричества. Он учился. Он адаптировался.

На соседней улице группа гражданских пыталась укрыться в подземном паркинге. Они бежали, спотыкаясь, падая, поднимаясь снова. Впереди был спуск, бетонные ступени,

спасительная темнота.

Они почти добрались.

А потом рой ударил сверху.

Это была не случайная атака. Это была волна. Сначала одна линия комаров обрушилась на тех, кто бежал впереди, сбивая их с ног. Потом вторая волна ударила по тем, кто пытался помочь упавшим. Третья волна отрезала путь к спуску, заставляя людей метаться по асфальту, как загнанных зверей.

Люди кричали. Падали. Вставали. Снова падали.

И каждый раз, когда кто-то поднимался, рой снова находил его.

Воронов вбежал в командный фургон, захлопнул дверь и прислонился к ней, тяжело дыша. Перед глазами плыло, в висках стучало, а плечо горело так, будто в него вогнали раскалённую иглу.

Соколов сорвал с головы гарнитуру и швырнул её на стол.
— Это не насекомые, — прохрипел он. — Это... армия.

Воронов медленно поднял голову. На мониторе карта города горела красным. Пятна сливались, разрастались, поглощали один сектор за другим.

— Они выбирают жертв по уровню стресса, — пробормотал Воронов, вспоминая слова Кирилла. — Чем больше человек боится, тем быстрее они его находят.

Соколов посмотрел на него, и в его взгляде мелькнуло понимание.

— Значит, паника — это не побочный эффект. Это... приманка.

Воронов кивнул. И в этот момент он понял, что их главная проблема — не рой. Их главная проблема — сам город. Потому что этот город был переполнен страхом.

Он встал, выпрямился, стараясь не показывать, как сильно болит плечо.

— Подготовьте дымовые завесы, — сказал он, стараясь говорить ровно, без дрожи в голосе. — И найдите мне химиков. Если репелленты не работают, значит, нужно что-то, что сжигает воздух. Что-то, что не оставляет им шанса.

Соколов кивнул и снова потянулся к гарнитуре.

А за стенами фургона гул нарастал. Он становился всё громче, всё плотнее, всё беспощаднее. Он заполнял улицы, проникал в дома, забирался в лёгкие.

Город больше не был лабиринтом улиц и дворов. Теперь он был лабиринтом страха. И каждый поворот мог стать последним.

Глава 4. «Цена иммунитета»

В городе, который уже перестал быть просто городом и превратился в арену охоты, тишина стала самым страшным звуком. Не потому что стало тихо — а потому что в паузах между гулом крыльев и криками слышалось то, от чего кровь

стыла в жилах: ожидание. Каждый вдох мог стать последним. Каждая щель в стене — воротами для смерти.

Воронов вёл группу по заброшенному коридору бывшего НИИ — по данным разведки, здесь могла укрыться доктор Левин, одна из немногих, кто знал проект изнутри. Стены были покрыты облупившейся краской, на полу валялись осколки стекла, а в воздухе висел запах сырости и чего-то едкого, будто здесь недавно жгли химикаты.

— Здесь, — прошептал Соколов, указывая на тяжёлую дверь с кодовым замком. На панели мигали тусклые диоды — система ещё жила, но дышала на ладан.

Воронов постучал коротко, резко, без церемоний: три удара, пауза, ещё два. Старый условный сигнал, который использовали ещё на учениях.

За дверью что-то звякнуло. Щёлкнул затвор. И наконец створка приоткрылась ровно настолько, чтобы в щели мелькнуло бледное, измученное лицо.

— Кто вы и откуда знаете сигнал? — голос был хриплым, настороженным.

— Майор Воронов. Спецгруппа «Север». Мы ищем доктора Левин.

Женщина за дверью прищурилась, будто пыталась разглядеть в нём правду. Потом медленно кивнула и распахнула дверь.

Доктор Левин выглядела так, будто последние сутки провела не в укрытии, а в бою. Халат был порван на плече, во-

лосы сбились в колтуны, под глазами залегли глубокие тени. Но взгляд оставался острым, почти хищным.

— Вы опоздали на двенадцать часов, — сказала она, не тратя время на приветствия. — Ещё немного — и спасать будет некого.

Она провела их в небольшую комнату, где на столе громоздились ноутбуки, распечатки, пробирки и стопки исписанных от руки листов. На стене висела схема, испещрённая пометками, стрелками и красными кружками. Воронов скользнул по ней взглядом и почувствовал, как внутри всё сжимается.

— Что это? — спросил он.

Левин хмыкнула — горько, без веселья.

— Это не эпидемия. Это эволюция. Вирус внутри комаров не просто передаётся — он учится. Он адаптируется к человеческому геному с пугающей скоростью. То, что мы считали стабильным штаммом, мутирует каждые несколько часов. Иммуитета, как такового, больше не существует. «Безопасных» людей почти не осталось.

Соколов тихо выругался.

— То есть любой укус — это приговор?

Левин посмотрела на него так, будто он спросил что-то невыносимо наивное.

— Приговор — да. Но не мгновенный. Вирус действует

по-разному. У одних симптомы проявляются через час, у других — через сутки. Но итог один. И самое страшное — он не просто разрушает иммунную систему. Он... подталкивает организм к саморазрушению. К панике, к выбросу адреналина. А это, как вы уже заметили, делает жертву ещё заметнее для роя.

Воронов сжал кулаки, стараясь удержать ярость внутри.

— У вас есть хоть что-то, что может помочь? Вакцина? Антидот?

Левин покачала головой.

— Ничего готового. Но у меня есть данные. И доступ к ним у меня неполный. Чтобы разработать хоть какой-то рабочий вариант, мне нужны образцы из центрального хранилища. Те самые, которые были в «Векторе-7». Те, что пропали.

Воронов почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Эти образцы под грифом «совершенно секретно». Мне не дадут к ним доступ.

— А если не дадите, — спокойно, почти равнодушно сказала Левин, — то через двое суток в этом городе не останется никого, кто сможет дышать без страха.

Она шагнула ближе, глядя ему прямо в глаза.

— Выбор простой, майор. Приказ или жизнь. Что для вас важнее?

Параллельно, в другом конце города, в обычной квартире на девятом этаже, отец прижимал дочь к себе, стараясь дышать ровно, чтобы не выдать свой страх. Комната, которую они выбрали как убежище, была маленькой, почти кладовой — без окон, с одной дверью. Он заклеил все щели монтажной пеной, завесил вентиляцию плотным полиэтиленом, придвинул к двери шкаф. Казалось, что здесь они в безопасности.

Но гул проникал даже сюда. Он вибрировал в стенах, в полу, в рёбрах.

Девочка, лет восьми, смотрела на него огромными глазами.

— Папа, они нас не найдут, правда?

Он хотел сказать «правда». Хотел улыбнуться, как раньше, когда она боялась грозы или темноты. Но слова застряли в горле. Потому что он слышал.

Слышал, как что-то скребётся в вентиляционной решётке. Тихо, едва уловимо, но настойчиво. Как будто пробует на прочность каждую щель. Как будто знает, что внутри есть тепло. Есть пульс. Есть страх.

— Всё хорошо, — прошептал он, хотя сам не верил в эти слова. — Мы в порядке.

А потом решётка дрогнула. И из-под неё выполз первый комар.

Он был огромным, с тёмным, почти чёрным телом и крыльями, отливающими фиолетовым в тусклом свете фонари-

ка. Он замер на секунду, будто прислушиваясь, а потом медленно повернул голову — если у комара вообще может быть голова — прямо на них.

Отец вскочил, схватил стул, замахнулся. Удар пришёлся в стену, комар увернулся с неестественной ловкостью и взмыл под потолок. А потом из щели полезли ещё. И ещё. Они не спешили. Они знали, что бежать некуда.

Девочка заплакала. Тихий, сдавленный всхлип, который был громче любого крика. И этот звук, казалось, заставил рой за стеной встрепенуться. Гул стал ближе.

Отец схватил дочь на руки и попятился в угол. Он искал хоть что-то, чем можно защититься. Но в этой комнате не было ничего, кроме страха и тишины, которая вот-вот должна была лопнуть.

Тем временем в укрытии Левин смотрела на Воронова так, будто видела его насквозь.

— Я не прошу вас нарушить присягу, — сказала она тихо, но твёрдо. — Я прошу вас спасти город. А для этого нужны данные, которых у меня нет.

Воронов закрыл глаза на секунду. Перед внутренним взором мелькнули лица бойцов, жителей, тех, кто уже упал на улицах, не успев понять, что происходит. И он знал: если он сейчас выберет «приказ», то завтра некому будет отдавать приказы.

— Я сделаю всё, что смогу, — прохрипел он, чувствуя, как слова царапают горло. — Но если это не сработает...

— Если не сработает, — перебила Левин, — то не работает ничто.

Она протянула ему флешку.

— Здесь — мои расчёты. Здесь — то, что я успела собрать. Но без образцов это просто теория. Теория, которая не спасёт ни одного человека.

Воронов взял флешку. Металл был холодным, почти ледяным. Как приговор. Как надежда. Как цена, которую придётся заплатить.

На карте города красные точки сливались в сплошное пятно. Связь с окраинами пропадала одна за другой. В штабе голос диспетчера звучал всё более отстранённо, будто он уже смирился с тем, что докладывает не о спасении, а о гибели.

Воронов посмотрел на Левин и вдруг понял: она не боится. Не так, как боятся обычные люди. Её страх был другим — холодным, расчётливым, почти профессиональным. Она знала, что может умереть. Но она также знала, что если не попробовать, умрут все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.